

Евгений ГРОПЯНОВ.— В КАМЧАТКУ. Повести. Владивосток, Дальневосточное книжное издательство, 1983.

Исторические повести Е. Гропянова о первооткрывателях Камчатской и Курильской земель — Владимире Атласове («Атаман») и Иване Козыревском («Черный монах») — поднимают материал, мало известный широкому читателю.

Экзотические края: огнедышащие горы, цветущие долины, стройные тополевые леса и согнутые каменные березы, высоченные заросли травы-шеломайника и стелющийся по земле стланник, горячие источники среди снеговых берегов... Однако экзотика исторических повестей Е. Гропянова — только канва, по которой вышивается узор драматических характеров и суровых судеб.

В лето 1695 года атаман Владимир Атласов, смелый, горячий, волевой человек, принимает под начало Анадырский острог. В приказные он назначен не за лизоблюдство, а по своим достоинствам, и достоинства эти — крепкая хватка и сметливость. Атласов всеми силами старается удерживать чукчей от вооруженных выступлений против русского острога и «приветными словами» призывает их к вечному миру. Он также должен добывать царской казне меха, разведывать новые земли, искать в них серебряные руды и золотой песок, собирать сведения о судоходности северных морей, разузнавать про таинственное «апонское» государство...

«Земля камчатская зело важна для державы Российской», — не устает повторять Атласов, блюдя государственные интересы. Он и купец, и воин, и дипломат — против корякских каменных стрел действует не столько оружием, сколько словом; «замиряться надо», твердит Атласов. Умеет управлять он и казачьей вольницей, этими суровыми, привыкшими к лишениям людьми, покорность которых — угли, затаенные в золе. Но именно они — его надежда и опора; без ближайших сподвижников и помощников — мудрого и осторожного Луки Морозки, разумного толмача Енисейского, бедолаги Петьки Худяка, которого пригрел и приблизил атаман, — нет Атласова. Придет время, когда Атласов, уже обласканный за присоединение Камчадальской

земли к России, за умелые «сказки» — отчеты в Якутске и Сибирском приказе у дьяка Винууса, будет верить только своей силе, оттолкнет неумеренной яростью и жестокостью от себя даже близких, и тогда падет атаман Атласов от своих же.

Но об этом мы узнаем уже из повести «Черный монах», где Атласов не играет значительной роли, а в центре действия оказывается не менее самобытный герой — Иван Козыревский. Продолжатель дела Атласова, присоединивший к Российской державе морские острова Курилы, есаул, командир Большерецкого острога, бунтарь, питанный раскаленными углями, в двадцать семь лет постригшийся в монахи, но не оставивший мысли о новых путешествиях и открытиях (он собственноручно изготавливает карту — «чертеж как Камчадальского носу, тако ж и морским островам» — и знакомит с нею Беринга, чтобы идти с ним в экспедицию), наконец, узник Московского острога, где и заканчивается его жизнь.

К достоинствам повести «Черный монах» следует в первую очередь отнести то, что ее автор умеет, ничего не спрямляя и не сглаживая, воспроизвести во всей противоречивости натуру своего героя, его «дикую породу». Он показывает формирование его характера: одинокое детство, не заронившее в душу ни грана отходчивости и доброты; влияние необузданного нравом отца, лишившего Ивашку родной матери; казаков, знавших только одно — бои да походы; неласковость к человеку северной природы.

Козыревский — человек бурных страстей, натура стихийная и неуправляемая, ярче же всего пылает в нем пожирающий огонь первооткрывательства. Обладая недюжинными способностями, он своим умом доходит до наук, составляет подробнейшие карты, ведет переговоры с Тахтаем Гиревым, предводителем воинственных коряков, зная, что худой мир лучше доброй ссоры... «Кто впервые, вместо того, чтобы вонзять друг в друга колья и разбивать дубинками головы, оспаривая темную пещеру, предложил сесть кругом у костра и говорить языком мира... То был мудрый человек, и тот, кто согласился с ним, тоже был мудрый человек».

Умирая в тюремном подвале, удрученный презрением к человеческой жизни, Козыревский все думает о далекой и любимой им Камчатке, о горах огнедышащих, о сибирских просторах...

Повести Е. Гропянова менее всего хроникальны. Это как бы монтаж, сделанный из мгновенных фотографических снимков, запечатлевших поворотные моменты судеб героев, и из кратких описаний обстановки, событий, встреч...

По этому методу написан и единственный рассказ, включенный в книгу, — «Земля Америка». «Стеллера пытали на дыбе», — начинается он. А уж потом идет сообщение об адъютанте натуральной истории при Второй Камчатской экспедиции, бывшем домашнем враче архиепископа Феофана Прокоповича Георге Стеллере, о том, как устраивал он школы для детей камчадалов, как на свой страх и риск освободил немирных камчадалов из-под ареста и какую жестокую расправу претерпел он, обвиненный в измене ея императорскому величеству, в бунте и самоуправстве. Но, оказывается, это всего лишь рассказ в рассказе о капитанах Витусе Беринге и Алексее Чирикове, о поисках несуществующей земли Жуана де Гама, о плавании в Америку и смерти Беринга и о многом другом... Рассказ «Земля Америка» мог бы послужить сценарием полнометражного фильма, так много вошло в него «изобразительного» материала, сопровождаемого «закадровым голосом» автора.

Однако «кинематографичность» прозы хотя и позволяет автору создать с б щ у ю картину происходящего, вместе с тем ослабляет психологические мотивировки, делает почти непредсказуемыми поступки героев, которым отводятся как бы чисто ролевые функции. Беда в том, что о Чирикове, Хитрово, Свене Вакселе и Иване Елагине читатель не получает из рассказа сколько-нибудь целостного представления, и оттого прием «кинематографического эффекта» работает вхолостую.

По сравнению с рассказом повести, где художественное пространство не столь ограничено, дают больше возможностей для исследования внутреннего мира героев (образ Ивана Козыревского — несомненная удача писателя, несмот-

ря на «прерывистость» изображения), но и в них «стоп-кадры» не всегда оправданны. Героев «выручает» общий драматизм их жизни.

Видимо, в дальнейшем, сохраняя кинематографическую зрелищность прозы, умение дать «крупный план», автор должен стать более внимательным к движениям души своих исторических персонажей, к индивидуальному в их поведении.

В. ХАРЧЕВ